

Всероссийская олимпиада школьников по литературе

2020–2021 учебный год

Региональный этап

11 класс

Задание №1 (6 баллов)

Представьте, что персонажи русской классической литературы получили возможность пользоваться современными цифровыми технологиями и общаются в WhatsApp или Viber. Определите, кто и кому отправил сообщения; назовите автора и заглавие произведения, которое имеется в виду. Впишите свои ответы в соответствующие графы таблицы в Листе ответов.

1.1.

- За час до полуночи жду тебя на кладбище.
- Я живой еще.
- До встречи у памятника. Не тебе.

1.2.

- Спишь?
- Нет, обдумываю бизнес-план: дом с цветниками буду строить, оранжерею, флигель решил...
- Ага, ты еще школу заведи... Поднимайся с дивана, уже еду к тебе!

1.3.

- На Патриаршие сегодня вечером приходи.
- Жарко. Пиво за твой счет.
- А нарзан – за твой. Поэму не забудь.

Задание №2 (4 балла)

Приведенные ниже четверостишия разбейте на пары в соответствии с авторством текстов; одно четверостишие должно остаться непарным. Номера фрагментов, принадлежащих одному и тому же автору, внесите в соответствующие графы таблицы в Листе ответов. Фамилии поэтов указывать необязательно.

2.1. На заре морозной
Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!

2.2. Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу — ты смеешься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

2.3. Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

2.4. Самый первый: некрасив и тонок,
Полюбивший только сумрак роц,
Лист опавший, колдовской ребенок,
Словом останавливавший дождь.

2.5. Это – сладкий заглохший горох,
Это – слезы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и флейт - фигаро
Низвергается градом на грядку.

2.6. Сижу, освещаемый сверху,
Я в комнате круглой моей.
Смотрю в штукатурное небо
На солнце в шестнадцать свечей.

2.7. Поэзия! Греческой губкой в присосках
Будь ты, и меж зелени клейкой
Тебя б положил я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки.

Задание №3 (65 баллов)

Выполните целостный анализ прозаического ИЛИ стихотворного произведения (ОДНОГО – на выбор).

Михаил Осоргин

(1878 – 1942)

Человек, похожий на Пушкина

Если жилали в Москве, то, может быть, встречали на Тверском бульваре фигуру в чёрном плаще, высоком и широком воротнике, пышном галстуке, а шляпа почти всегда в руках. Смуглое лицо, бакены, кудрявая голова, задумчивость – такое сходство с

Пушкиным, вернее, со статуей на памятнике Пушкина, что даже как-то неловко. Появлялся со стороны Никитских ворот, держа в одной руке шляпу и книгу, а в другой толстую палку, медленно проходил весь бульвар и садился против памятника.

Этого человека звали Александром, но не Сергеевичем, а Терентьевичем, а фамилия его была Телятин. Служил по акцизному ведомству маленьким чиновником. Жил в Мерзляковском переулке, в двухэтажном доме, в собственной квартире. Был женат и бездетен.

Утром он вставал, пил с женой чай и шёл на службу. Служба была в том, что целый день он заполнял пустые места на цветных бланках. У него был преотличный почерк, а машинка в те времена была ещё не в большом ходу, так что почерк ценился. Бланки он заполнял без ропота и без гримас, даже отчасти любясь на свою отчётливую работу; но если кто-нибудь к нему обращался, особенно из захожих по делам посетителей, то он медленно поднимал от бумаги чёрно-карие глаза, смотрел устало и отвечал снисходительно. Сослуживцы звали его, конечно, Пушкиным или просто поэтом; но в общем любили, не смеялись над ним, так как он был хороший человек.

В четыре часа возвращался домой; тогда перерывов на обед не было, да и вообще всюду обедали в пятом часу; нынче, говорят, пошли заграничные привычки. Жена встречала его супом. Она была добрейшей женщиной, только толста, непомерно толста, ума же среднего. Александра Терентьевича она очень любила и вышла за него именно потому, что он похож на Пушкина, а Пушкина она всё-таки читала, особенно стихи.

Вышла-то за Пушкина как будто легкомысленно, а получила в мужа очень сносного человека, хотя и с небольшим жалованьем. Возвратившись домой, он надевал старый пиджак и садился за стол. И всегда, даже за вторым блюдом, сидел молчаливо и задумчиво. Необходимое говорил, и не дулся или гримасничал, а таким был по своему характеру. После же обеда переодевался в знаменитый свой костюм – воротник, галстук, широкие штаны без заглажки, надевал плащ, брал широкополую шляпу и книжку – и уходил. А жена провожала его любящим взглядом, более или менее коровьим.

Она знала, куда он идёт. Никогда идти с ним не напрашивалась, и это оттого, что она понимала, как ему важно быть одному. Не задумываясь, а просто по хорошему женскому чувству считала, что таково его призвание, как бы указание судьбы – быть похожим на Пушкина и сидеть на Тверском бульваре против памятника. Для чего – неизвестно, но уж значит – так сложилась его жизнь. Любящее сердце не позволяет себе критиковать поступки любимого, а жизнь наша вообще – загадка, и должно в ней быть что-нибудь особенное. Когда он уходил, жена думала: "Вот он сидит там, и все на него смотрят". И на сердце её становилось легко и приятно.

А он нисколько не рисовался. Он тоже чувствовал, что в его судьбе есть странность и что иначе поступать нельзя, как, например, нехорошо зарывать свой талант или уклоняться от исполнения общественного долга. Иногда и погода была плоха, и не совсем здоровилось, – а он всё-таки шел на бульвар отбыть положенное время, полчаса или весь час. Был и тут добросовестен и аккуратен, как на службе в акцизном ведомстве. Сначала его смущало внимание прохожих, особенно у самого памятника, где легче проверить сходство. Затем он привык. Обычно сидел, слегка склонив голову, и ловил доносившийся шёпот: "Посмотрите, вот удивительное сходство!" Людей он разделял на две категории: на замечавших и ничего не замечавших. Первые были образованными и порядочными людьми, а вторые – бессмысленная чернь, чуждая поэзии. Но никогда он не старался сам каким-нибудь жестом привлечь на себя внимание. Посидев – шёл домой в прежней задумчивости. Придя – переодевался, пил чай с баранками, а вечером заполнял взятые со службы бланки, а жена рядом что-нибудь вязала или вышивала. Хотя она была немногим его моложе, но он часто почти по-отечески гладил её по голове и говорил что-нибудь ласковое, и она была очень этим счастлива. По воскресеньям, по её просьбе, он читал ей стихи Пушкина, и тогда обоим казалось, что вот он читает ей своё, посвящённое ей. Так что, когда он ей читал, например:

Там, где море вечно плещет

На пустынные скалы...–

то ей думалось, что вот тут, во второй строчке, ударение, пожалуй, и неправильно, – но сказать, конечно, не решалась, чтобы не обидеть автора.

Таков был Александр Терентьевич Телятин. Не фигляр, не актёр, не заносчивый человек, а как бы человек, отмеченный перстом судьбы и нёсший свою участь безропотно, достойно и вполне скромно.

* * *

Мы же были студентами, я и Петька Шулепов, тоже юрист, но большой озорник. Я убеждал его, что не стоит, выйдет какая-нибудь неприятность, но он настоял на своём, а мне, в общем, было тоже любопытно.

Петька подошел первым, снял шляпу, низко поклонился и сказал:

– Александр Сергеевич, от имени русской молодёжи, воспитанной на ваших великих произведениях, и от имени всей России – позвольте выразить вам глубочайшую нашу радость, что видим вас опять живым и здоровым!

Сказав, отступил на шаг. Я думал: вот сейчас начнётся скандал. Петька, правда, здоровяк и будет биться до последней капли крови, но у Пушкина толстая палка.

И вдруг человек, похожий на Пушкина, поднял голову, посмотрел грустными глазами и ответил:

– Пожалуйста, благодарю вас.

Ко всему мы были готовы, а такого простого ответа как-то не предвидели. Даже Петя Шулепов смутился и забормотал:

– Мы ведь только так... Вот позвольте представить вам моего товарища, он тоже стихи пишет.

Хотя я стихов не писал, но пришлось раскланяться, а Пушкин протянул мне руку и сказал:

– Очень приятно... если у кого талант.

Тут я потянул Петьку за тужурку и говорю вполголоса: "Идём, что ли, будет," – но он шепчет в ответ: "Как-то теперь неудобно уйти" – и опять к Пушкину:

– А что, Александр Сергеевич, может, сделали бы нам честь, зашли бы с нами выпить пивца? О литературе там поговорим и о прочем.

– Покорно благодарю, с удовольствием.

Так и пошли. Мы по бокам, с почтительным смущением, а он посередине, в широкой крылатке, волосы в кудрях, голова немножко книзу – совершенный Пушкин. Публика смотрит с изумлением.

В дверях пивной, пропустив его вперёд, немножко задержался, и я спрашиваю Петьку Шулепова:

– На какой чёрт ты его позвал, он, кажется, сумасшедший?

– Вот вздор, здоровый человек; а может быть, он и впрямь Пушкин!

– Ну, тогда, значит, ты сам рехнулся.

– Да будет тебе! Зайдём выпьем, а там посмотрим.

Нам подали калинкинского; пиво плохое, но свирепое. А к нему этикие маленькие бараночки, вроде обручального кольца, но с солью. Особо заказали раков.

Человек как человек, не смущается, помалкивает, только грустный. Сначала у нас разговор не выходил, но скоро пиво помогло. Через полчаса, за которой-то бутылкой, Петька уже кричал на всю пивную:

– Вы, Александр Сергеевич, поймите, каково это нам читать на вашем памятнике неправильные строчки! Что это за "прелестью стихов я был полезен" – какая польза от прелести? А у вас как написано: "Что в мой жестокий век восславил я свободу"! Вот за

это, Александр Сергеевич, мы вас и любим, мы, русское студенчество. Только вы плохо пиво пьёте, а раки нынче очень хороши.

Ещё через полчаса Петька неистовствовал:

– Вот что, Пушкин, ты слушай! Хочешь, сейчас пойдём к твоему памятнику – и всю надпись к чёрту! Ты мне верь, Саша, я зря не говорю! Ты меня поцелуй, Саша, вытри бакены и поцелуй, а то как ты сосал рачью клешню, так у тебя и застряла корочка.

Человек, похожий на Пушкина, пил пиво большими глотками, ласково кивал, иногда отвечал односложно, целовал Петю толстыми пушкинскими губами и был, по-видимому, доволен. Только к концу дюжины пива я заметил, что если пьян Петя Шулепов, если и моё сознание не очень ясно, то наш гость совсем плох. То ли он не привык пить, то ли мы оглушили его беспардонной болтовнёй. Голова его склонилась, волосы спутались, галстук сбился набок, – и совсем он не был теперь похож на собственный памятник. Особенно пострадала крылатка, нехорошо им запачканная, когда мы подымали его из-за столика. Одним словом, кончилось это не так приятно, как началось.

Адрес он всё-таки нам сказал. Усевшись в пролётку, подъехали к дому в Мерзляковском переулке. С извозчика драгоценный груз нам пришлось тащить обоим, а на неистовый Петькин звонок отперла дверь толстая женщина, ахнувшая при виде мужа.

Я ещё довольно сносно владел языком и пытался ей объяснить, что вот такая произошла случайность, но что это ничего, даже очень хорошо. Но Петька перебил меня восклицанием:

– Па-л-учите! И вот, Нат-т-талья Гон... Гончарова, к чему п-приводит легко... легкомысленное п-поведение. Мы, На-талья Г-гончарова, мы его привезли п-прямо с дуэли, а вот это (показал на меня), это – сам Дантес, и я ему р-разобью...

– Перестань, Петька, нехорошо!

– Знаю, что нех-хорошо, знаю! И все же не п-позво-лю обижать великого п-поэта!

Назавтра мы, посоветовавшись, чинно и благородно явились на квартиру нового знакомого извиняться. Его дома не было, а жена встретила нас сначала не очень дружелюбно. Но мы были молоды, а Петька, хоть и буян, – умел быть галантным и милым человеком. Главное – мы искренне раскаивались. Посидевши минут десять и объяснив, что во всём виноваты были мы и что силой затащили "Александра Сергеевича" в пивную, мы смиренненько удалились. И, мне кажется, что была, в общем, довольна жена человека, похожего на Пушкина. Ведь всё это происшествие было как бы доказательством того, что он – человек особой судьбы, как бы отмеченный роком. А Петька ещё догадался вернуть несколько слов о ничтожных детях мира, о святой лире и божественном глаголе. Удивительно, как у этого болтуна всё приходилось к месту!

Очень много – лет пятнадцать – спустя, после всяких житейских скитаний и мытарств, в дни революции, разрухи и московского голода, я вёз однажды на детских санках полтора пуда мёрзлой картошки. На улице были сугробы снега, а на Тверском бульваре дорожка более или менее протоптана и для санок удобна. И только повернул на бульвар со Страстной площади, как почти столкнулся с человеком странного вида, толстогубым, с полуседыми редкими кудрявыми баками, в лёгкой, вызеленевшей крылатке – это по зимнему-то морозу! Я был в валенках, а он в каких-то необычных глубоких калошах с меховой оторочкой многолетней давности. Сам – сгорбленный под кулём какого-то зерна, надо полагать – овса или проса.

В другом месте я бы не вспомнил, а тут, у памятника Пушкина, сразу узнал человека. Теперь о сходстве, конечно, смешно было говорить, – а всё-таки что-то осталось, вероятно в глазах или в странности одежды.

Подумал сначала – не заговорить ли? Напомнил бы ему, как подшутили мы над ним в студенческие годы, – ведь быть того не может, чтобы он поминал нас злом. А время сейчас такое, что приятно отвлечь мысли от житейских забот. Но, посмотрев на свои саночки, решил, что накинуть на них еще его мешок – будет слишком тяжело, видеть же, как он надрывается под непосильной ношей, и забавлять его приятными воспоминаниями – как-то нелепо. Так я и не остановил человека, некогда похожего на Пушкина.

Но вот что, помню, пришло мне тогда в голову. Пушкина мы все знаем по его молодым портретам, и умер он молодым. Мне же, – и тут смеяться нечему! – удалось видеть его старым и несчастным. Потому что ведь сходство то, столь разительное, сохранилось бы и в старости!

И ещё я подумал: а что этот человек, пушкинский двойник, испытывал, когда изменили надпись на памятнике Тверского бульвара? Вероятно, это было для него некоторым праздником. Может быть, жена, – если ещё жива, – его поздравляла, а вечером они, после чаю, читали вслух:

И долго буду тем любезен я народу...

Конечно – мысли праздные. Но не всегда же думать о серьёзных делах.

1930

Юрий Левитанский

(1922 – 1996)

Меж двух небес
 (начала и конца),
меж двух стихий
 (как в кресле брадобрея –
меж двух зеркал),
 стремительно старея,
живёшь на этом тесном пяточке,
в двух зеркалах бесщётно повторяясь
и постепенно в них сходя на нет,
там, за чертой,
 за гранью дней и лет,
последним звуком нисходящей гаммы.

Две бронзы. Две латуни. Два стекла.
Два тонких слоя ртутной амальгамы.
Вот тайна и развязка этой драмы.
Меж двух стихий
 (начала и конца),
меж двух страстей
 (как в кресле брадобрея –
меж двух зеркал)...
 Гораций и Катулл,
Шекспир и Дант сидели в этом кресле.
Они ушли. Они навек воскресли
и в глубине зеркал остались жить.

Ну что ж, мой друг,
 приходит наше время.
Эй, брадобрей, побрить и освежить!..
И вдруг поймёшь –
 ты жизнь успел прожить,
и, задохнувшись

(годы пролетели),
вдруг ощутишь,
как твоего чела
легко коснулись вещие крыла
благословенной пушкинской метели...

Ну что ж, мой друг,
двух жизней нам не жить,
и есть восхода час
и час захода.
Но выбор есть,
и дивная свобода
в том выборе, где голову сложить!

1981

Задание №4 (25 баллов)

Вы готовите к изданию альбом Ю. Анненкова, в котором будут представлены иллюстрации художника к разным произведениям русской литературы. Вам нужно:

4.1. Отобрать иллюстрации к одному и тому же произведению и удалить ошибочно подобранный младшим редактором рисунок, относящийся к другому произведению. В ответе укажите:

4.1.1. номер рисунка, который будет изъят из подборки, название произведения, к которому он относится, его автора;

4.1.2. номера рисунков, выбранных для альбома Ю. Анненкова, название и автора литературного произведения, которое иллюстрировал художник.

4.2. Написать краткую вступительную статью (преамбулу) к разделу с выбранными иллюстрациями. В ней необходимо рассказать об отдельных значимых чертах творческой манеры художника (интерпретация текста-первоисточника, принципы изображения персонажей, отбора эпизодов, устойчивые композиционные приёмы, способы привлечь внимание зрителя к важным деталям). Придумайте короткий и выразительный заголовок для своей статьи.

Примерный объем вступительной статьи – 200 слов.

Рис. 1

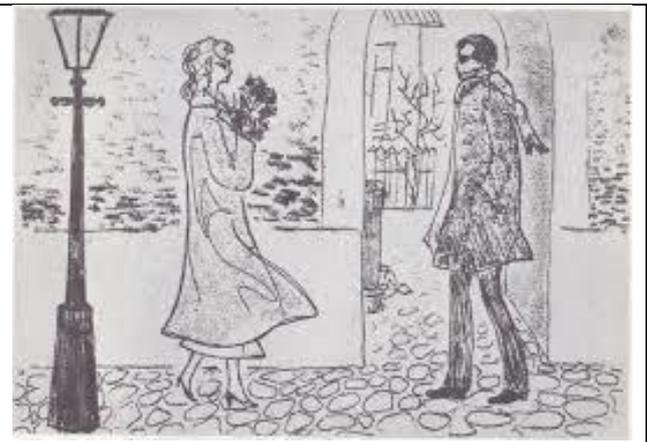

Рис. 2

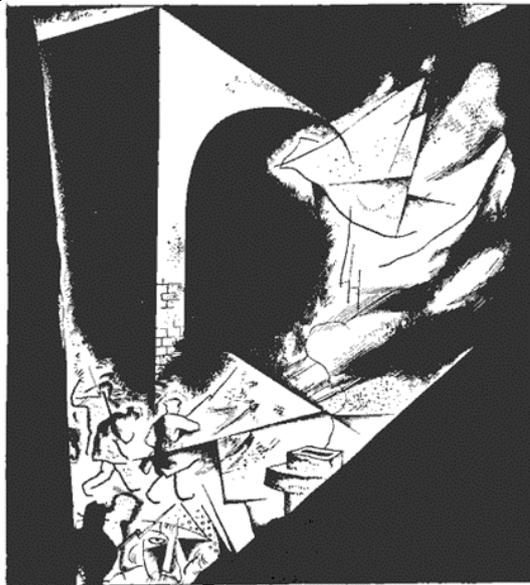

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

